

Емелина Нина Степановна

За всю историю существования нашей организации в ней работало много хороших, интересных людей. Были и классные профессионалы своего дела, и умелые рассказчики, и поэты. А еще были люди, без которых экспедиция и Рослесозащита отстали бы в развитии, которые навсегда оставили яркий след в памяти о себе. Такой была Нина Степановна Емелина.

Нина Степановна Емелина

Нина Степановна Емелина (Черняева) родилась 25 февраля 1946 года в Москве в семье рабочих. Большое влияние на судьбу Нины Степановны, на формирование жизненных ценностей и выбор будущей профессии оказало увлечение туризмом. С раннего возраста она посещала туристический клуб «Кочевник», где с подростками занимались интересные, увлеченные люди. Там не только ходили в походы, но и просто собирались за столом, рассказывали про путешествия, про интересные места нашей страны, пили чай и пели туристические песни под гитару. Одним из инструкторов был Владимир Емелин, в которого Нина влюбилась, будучи 12-ти летней девчонкой, и за которого через 9 лет вышла замуж.

Нина Степановна была уникальным, талантливым, глубоким и сильным духом человеком. Любое дело, за которое она бралась, изучалось досконально. Она бы преуспела в любой области, но повезло нам. В 1969 году Нина Степановна закончила факультет лесного хозяйства и озеленения городов Московского лесотехнического института и пришла работать в 5-ю Московскую аэрофотолесоустроительную экспедицию.

Амурская партия, 1968 год. Первая справа Нина Емелина

За год до этого она проходила преддипломную практику на полевых работах в составе лесопатологической партии в Амурской области. Уже тогда студентка 4-го курса института Нина обсуждала проблемы лесозащиты на равных с опытными инженерами, с ней советовались при принятии решений по сложным вопросам. Потом были полевые сезоны в Красноярском, Хабаровском, Приморском краях, Республике Бурятия, Челябинской области и 11 полевых сезонов в Иркутской области.

В 1972 году, в 26 лет, Ниночка стала вдовой. Казалось бы, ещё вся жизнь впереди, но настолько сильной, настоящей была их любовь, что Володя так и остался единственным мужчиной в жизни Нины, равного ему она больше не встретила. Верность – это одна из черт ее характера.

Какие бы ни возникали проблемы при проведении обследований или при обработке материалов, Нина всегда очень вдумчиво подходила к любому вопросу и в самом трудном положении находила правильное решение. Поэтому самые ответственные работы поручались Нине Степановне. Все знали – если возьмется за что-то, всё будет сделано, а главное – будет сделано четко и правильно.

Ведущие специалисты 5-й Московской аэрофотолесоустроительной экспедиции. Слева направо:

Федотова Галина Германовна, Калиниченко Тамара Валентиновна, Емелина Нина Степановна

В 1973 году во время вспышки сибирского шелкопряда в Иркутской области очень важно было дать точный прогноз развития популяции вредителя. Для этого непосредственно в тайге в центре очага именно по Нининой инициативе, поддержанной начальником партии Э.М. Калиниченко, был организован крупный лесной стационар, куда лесопатологи привозили гусениц и куколок сибирского шелкопряда из разных точек районов обследования. Содержание стационара, наблюдение и анализ доверено было Нине. Гусеницы сортировались и анализировались по десяткам показателей в строгом соответствии с биологией вредителя и всеми накопленными на тот момент знаниями. Была получена ценнейшая информация. Она помогла понять, на каких участках и насколько опасны последствия развития вспышки, а главное – правильно определить меры борьбы.

Из воспоминаний Г.С. Леоновой: *«Это была последняя высадка полевого сезона 1973 года. В Черемховском лесхозе Иркутской области проводились работы по учёту численности сибирского шелкопряда и определению санитарного состояния кедровых насаждений, объединенных этим вредителем. Нина Емелина и я, в то время студентка-практикантка, пошли делать перечёт на постоянной пробной площади. В мои обязанности входило измерение диаметра дерева, затем белой масляной краской надо было написать кисточкой порядковый номер дерева. Нина оценивала состояние дерева и записывала в полевые бланки. Пробная площадь была большая и находилась на крутом склоне сопки. Мы сделали перечёт где-то на половине площади, когда услышали громкий рёв рассерженного зверя. Признаться, я впервые это слышала и обратилась к Нине с вопросом: «Что это?». «Да это медведь нас пугает» – спокойно сказала Нина и продолжила перечёт. Мы не видели медведя, но медведь видимо хорошо нас видел, он*

находился выше по склону и то удалялся, то подходил совсем близко, не переставая недовольно реветь. Было страшно, мне казалось, что надо немедленно уходить, чтобы не злить хозяина тайги, но Нина сказала, что перечёт надо закончить, и мы продолжили. Порядковые номера, которые я писала дрожащей рукой на деревьях после появления медведя, явно отличались от написанных до того времени, как мы его услышали! Медведь не уходил до тех пор, пока мы не закончили перечёт. Признаться, по пути на табор я несколько раз оглядывалась назад, мне казалось, что медведь идёт за нами. Кстати, потом наши ребята проходили рядом с той пробной площадью и видели следы огромного медведя. Вспоминая сейчас этот случай, я думаю, что Нина тогда своим спокойствием, своей выдержкой возможно охладила агрессию медведя».

Короткий отдых на базе

Воспоминания Д.С. Леонова: «Моя первая высадка в тайгу была с Ниной Емелиной, где она мне показывала азы нашей работы, за что я ей всегда был очень благодарен.

Однажды, в середине мая 1974 г. меня и Нину забросили в тайгу на вертолётке на весенний контрольный учёт в Иркутской области. Высадка предполагалась небольшой, всего 4 дня. Нас высадили на болото, было пасмурно и довольно холодно. Мы перетаскивали вещи на сухое место и расположились лагерем. И тут выяснилось, что мы взяли всё необходимое, кроме спичек. До сих пор не могу понять, как это могло произойти! Кто работал в экспедиции, тот знает, что значит остаться без спичек в лесу. Мы стали перебирать все способы добычи огня. Нина вспомнила, что она читала - огонь можно добыть следующим способом: из охотничьего

патрона высыпать дробь и этим патроном выстрелить в кучку горючего материала. Мы набрали сухой травы и мелкого хвороста, сложили солидную кучку, в которую я и сделал холостой выстрел. Всё наше сооружение разлетелось, но огня не было. Мы опять задумались, что же делать, признаться, даже приуныли. Из продуктов у нас была тушёнка, сухие крупы, макароны, сахар и чай - четыре дня (потом оказалось — семь) без костра, без горячей еды было бы выдержать тяжело. На наше счастье выглянуло солнце, и тут Нина вспомнила, что у неё есть лупа. Мы быстренько собрали всё, что может гореть, и разожгли с помощью лупы костёр, надо сказать, что вовремя – вскоре солнце опять спряталось за облака. Ночью нас завалило снегом так, что крыша палатки на нас рухнула. Спросонья нам показалось, что на нас напал медведь. Как взвёл курки ружья, даже и не помню. Немного подождали. Сверху никто не шевелился, только стоял шорох подозрительный. Только когда вылезли наружу, поняли, что произошло.

На таборе. Иркутская область

В последующие дни костёр мы не тушили. Ночью, и когда уходили на работу, тлеющие угли накрывали мхом. Приходили вечером, раздували угли — костёр готов. Пожара не боялись, кругом было сыро.»

Нина Степановна не только была бесценным специалистом-лесопатологом, она любила привносить что-то новое в любое дело, стремилась совершенствоваться и умела смотреть на несколько шагов вперёд. Ей уже неинтересно было просто вести учет. Она умела на привычный порядок вещей смотреть под абсолютно другим углом зрения.

Елена Шамарина вспоминает: *«Помню как-то на одной из высадок мы говорили о временных изменениях в насаждениях, которые нельзя было бы предугадать, и об отношении лесного сообщества к лесопатологам. По большому счету, говорила Нина, все, ну или почти все, возрастные изменения таксационных показателей уже изучены, поняты и просчитаны. Изменения вследствие ведения хозяйственной деятельности фиксируются в лесхозах. Остается – лесопатология, то есть изменения, происходящие из-за вспышек массового размножения вредителей и болезней. Вот изучением и прогнозированием этих факторов и нужно заниматься. И получается, что роль лесопатологов у нас сильно недооценена.»*

В 1980 году Нина повысила свою квалификацию с отрывом от производства в ВИПКЛХ по программированию на ЕС ЭВМ, в 1985 году - окончила специальный факультет по переподготовке кадров Московского института стали и сплавов с защитой выпускной работы на тему «Автоматизация экспериментальных исследований (СУБД ИНЕС)», где была отмечена лекторами и преподавателями как самый способный слушатель. Примером её поразительных логистических способностей может служить тот факт, что она могла найти одну единственную неправильную цифру в огромном массиве данных, которые тогда набивались на перфокарты в виде определенного набора отверстий. На вычислительном центре «Леспроекта», где тогда проводились обработки, это могли сделать один-два человека.

Нина Степановна является основным разработчиком программного обеспечения и создателем электронной базы данных лесопатологического состояния насаждений ФБУ «Рослесозащита». Она была новатором в этом деле, и ей всё это было очень интересно. Нина была настоящим трудоголиком и любила свою работу. Когда все садилась пить чай, она просто брала кружку за свой стол, но из-за компьютера не уходила, не хотела терять даже 5-10 минут.

Рабочий момент. Н.С. Емелина и В.А. Федотов

Нина Степановна была готова передавать свои знания не только специалистам 5-й МАФЛУЭ. К ней приезжали учиться и из других учреждений, в том числе и будущий директор Рослесозащиты Михаил Егорович Кобельков.

Нина была честным и принципиальным человеком. Находясь рядом с ней, невозможно было соврать или схалтурить. При ней стыдно было сделать что-то неправильно, нечестно, показать свою некомпетентность, просто повести себя некрасиво. Опоздать на работу, уйти раньше, уж не говоря о том, чтобы прогулять, для неё было недопустимым. Недаром её называли «ум, честь и совесть экспедиции». **Т.В. Калинин** как-то сказала: *«Если бы все были такими, как Нина Емелина, мы бы жили при коммунизме».*

По воспоминаниям Г.Г. Федотовой: *Однажды, уже после того, как Нина перестала ездить на полевые работы, она собралась в отпуск на Байкал, где в тот год проводила обследование лесопатологическая партия. Чтобы хоть чуть-чуть оправдать очень дорогую дорогу, ей предложили оформиться и поработать таборщицей, пока она будет находиться там. Нина возмутилась: «Или вы прекращаете эти разговоры, или я никуда не поеду». А приехав в партию, на маршруты ходила наравне со всеми.*

Один раз их забрасывали к месту проведения работ на катере по Байкалу. Нина сидела на верхней палубе, смотрела на озеро, на небо, на скалистые берега, на всю эту красоту и сказала: «Вот теперь можно и умирать».

Она очень любила природу, любила рыбалку и животных. У неё всегда жили кот или кошка, даже на высадках на таборе. Они встречали её с маршрутов.

Воспоминания Е.В. Шамариной: *«Мы в ответе за тех, кого приручили. Это о Нине. Не помню уже где, то ли на автовокзале, то ли просто на улице в Иркутской области, в самом начале сезона мы нашли котенка, умирающего, истощенного до последней степени. У Нины было строгое правило – не приваживать животных, поскольку закончится полевой сезон, и ты бросишь его, улетишь в Москву, а прикормленное тобой животное погибнет. Но этот котенок уже погибал. И Нина подобрала этого несчастного, ну или несчастную. Оказалась это кошка. Нина назвала ее «сироткой Касей». Сиротка Кася пошла на поправку очень быстро, уже через месяц это была вполне себе упитанная особь, избалованная Ниной до предела. И до предела любившая Нину. В куче спальников, сваленных на вертолетной площадке, Нине не нужно было искать свой. На нем всегда лежала ее кошка. В палатке она спала опять же только на ее спальном месте. Хотя иногда эта любовь выходила хозяйке боком. На одной из высадок Кася повадилась выражать свою любовь методом подношения ей мышей в спальник. Помню, укладываемся спать, все юркнули быстро в спальники, а бедная Ниночка начинает сначала вытаскивать и вытряхивать вкладыш, потом выворачивать сам спальник, потом - чехол. А это все ватно-брезентовое, неудобное и неуклюжее, но иначе никак – где-нибудь в этих слоях обязательно спрятана мышка, а иногда и птичка. Подарок любимой хозяйке. Сиротка Кася терпеливо ждет, пока Нина соберет обратно спальниковую матрешку, а потом укладывается Нине под бок и начинает мурлыкать на всю палатку. А бросить ее Нина так и не смогла. Улетела Кася вместе с ней в Москву.*

И о рыбалке. Нине было неинтересна та рыбалка, где для ловли рыбы не нужно прилагать особых усилий. Помню на высадке в Тофаларии на реке Уда мы специально уходили на рыбалку ближе к вечеру, чтобы в азарте не наловить слишком много. И Нина бурчала вечером, когда мы чистили на берегу реки рыбу, что это не рыбалка, это как в гастроном сходить, только бесплатный. Интересно проходить день по речке, понять где ловится, где нет, ну и принести на еду.

Помню, как в Москве ходили с ней в магазин «Охотник» покупать «маленькие, но совершенно изумительные» крючки-двойнички для ловли хариуса. А потом мастерили из них «мушки» при помощи ниток и петушиных перьев. Однажды в Иркутской области мы даже совершили с ней «попытку кражи» нескольких перьев с хозяйкиного петуха. Мы сначала

попросили у владелицы разрешения выдернуть с его шеи несколько перьев. Владелица замахала руками – нет, нет и нет. «Вы что, девки? Его же куры любить не будут!» Ну, нет, так нет. Сели крутить мушки из того что было, а было особо-то не из чего. А петушиное роскошное оперение покоя не дает. Решили «пойти на дело». Дождались ночи, взяли фонарик и маникюрные ножницы и пошли в курятник. Договорились, что я буду петуха держать, а Нина перья стричь. Только мы дверь приоткрыли и включили фонарик – как куры подняли такой гвалт, что мы, не сговариваясь, бросились назад. Вернулись в свою избушку, и Нина говорит: «А представь, если бы нас застукали? Два старших инженера пойманы в чужом курятнике за кражей перьев у живого петуха!» Утром выходим на улицу – петух гуляет, куры вокруг него. Нина говорит: «Наверное правда, любят этого паршивца, он молчал, куры орал».

Ниночка была очень интересным собеседником и рассказчиком. Невозможно забыть и ее юмор. Она с совершенно серьезным видом, могла так что-то рассказывать, так тонко что-то подметить, и с ее особенной интонацией так сказать одну единственную фразу, что все вокруг просто покатывались со смеху.

Если человек талантлив, он талантлив во всем. Нина делала чудесные фотографии – и по сюжету, и по технике исполнения. У многих её друзей лучшие фотографии их детей – это фотографии, сделанные Ниной Степановой. А как хорошо она шила! Как плела макраме! Какие изумительные, смешные картинки делала из соломки!

Нина умела быть настоящим другом. Она была ненавязчивой, но очень внимательной и чувствовала, когда и как предложить помощь. Иногда подойдет молча, встанет рядом, прислонится плечом к плечу, и становилось легче.

Нина Степановна умерла в 54 года после тяжелой болезни, с которой мужественно боролась очень долго, и похоронена на Подмошинском кладбище Дмитровского района Московской области.

Авторы: Тузова Т.И., Федотова Г.Г.